

Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (<https://nashagazeta.ch>)

Нина Гамсахурдия: «Эмиграция сделала меня художником» | Nina Gamsakhurdia: Emigration turned me into an artist

Автор: Андрей Федорченко, [Цюрих](#) , 14.08.2013.

Нина Гамсахурдия (© A.Fedorchenko/Nasha Gazeta.ch)

Беседа о византийской традиции иконы, о кризисе религии и человека, о том, каково быть членом семьи президента страны. И, наконец, о том, как вынужденная эмиграция помогла воплотить в жизнь давнюю мечту: стать художником.

|
A talk on Byzantine icons, the crisis of man and religion, and on how it feels to be a member of president's family. It also touches the issue of forced emigration that helped to fulfill the

dream to become an artist.

Nina Gamsakhurdia: Emigration turned me into an artist

Однажды у художницы брал интервью журналист из Basellandschaftliche Zeitung. В ателье цепкий глаз западного человека немедленно выделил из палитр, кистей, баночек с разноцветными порошками и прочих атрибутов художественного ремесла несколько початых бутылок водки. «Они даже за работой пьют, эти русские, – «догадался» сметливый репортер. И начал интервью, во время которого постоянно и настойчиво поворачивал беседу к теме злополучных бутылок. «Я делаю краски по старинным рецептам, – оправдывалась художница. – Поэтому мне и нужна водка: как необходимейший для красок компонент». И вроде бы убедила журналиста. Через пару дней она увидела в газете интервью, увенчанное большой фотографией. На размытом фоне комнаты, подозрительно смахивающей на вино-водочный отдел гастронома, крупным планом красовались аппетитные водочные бутылки...

Художница Нина Гамсахурдия даже спустя десять лет смеется, вспоминая эту забавную историю. Тогда швейцарцы всех выходцев из бывшего СССР называли русскими, даже грузинку Нину. Даже с такой громкой фамилией - Гамсахурдия! И находясь под скромным обаянием стереотипов, считали, разумеется, «этих русских» горькими пьяницами.

Нина Гамсахурдия – дипломированный специалист по искусству Византии, реставратор икон и художник, работающий в смешанных техниках темперы и энкаустики. Детальное знание старых рецептов позволяют ей создавать краски самостоятельно. Мастерская Нины, увешанная иконами и картинами, заставленная сосудами с пигментами драгоценных минералов и камней, вызывает ненавязчивые ассоциации с апартаментами феи Морганы. Впрочем, в интриге и высокой трагедии судьба Нины ничуть не уступает эпосу о короле Артуре. В 1992 году вместе со своим мужем Константином, сыном свергнутого путчистами первого президента независимой Грузии Звиада Гамсахурдия, она бежала из Тбилиси в Швейцарию.

Наша Газета.ch: Существует точка зрения, что собственно искусство началось с эпохи Возрождения - именно тогда художники начали сознательно ставить перед собой чисто эстетические задачи. До этого оно носило утилитарный характер, служило для отправления религиозных ритуалов. То есть, иконам Рублева и Грека надлежит находиться не в музеях, но в храмах. Вы согласны с таким утверждением?

Нина Гамсахурдия:

«Контемплация» (диптих, 2012) и амулеты

Этим вопросом задавались не только российские искусствоведы, но и такие крупные мыслители Запада, как историк культуры Якоб Буркхардт. Они высказывались примерно также, хотя у истоков искусства все же ставили искусство античной Греции. Относятся ли иконы к искусству или нет – данная тема актуальна и сегодня. Этим я и занимаюсь уже долгое время. В европейском сознании иконы к искусству не имеют отношения. Поэтому на Западе иконы покупают, коллекционируют как нечто экзотическое, как африканские маски.

В 70-е годы в Швейцарии был бум на иконы. Их собирали те, кто скопил кое-какие лишние деньги, в основном врачи и адвокаты. Собирали не потому, что считали их искусством, это было как бы благотворительным актом, спасением от уничтожения. И стоили иконы тогда в Швейцарии бешеные суммы. Вывозились они из СССР, естественно, контрабандным способом. Получалось, что с одной стороны все происходило в контексте благотворительности, а с другой – было банальным вложением денег.

Оправдали ли себя эти вложения?

Нет, конечно. Сегодня цены на иконы резко упали. Если в 70-ые они стоили по 80-100 тысяч франков, то сегодня их можно приобрести всего за тысячу. Поскольку контрабандистами были сами европейцы, то и цену на Западе устанавливали они. Хотя среди подлинных икон очень часто встречались дешевые подделки.

Но ведь иконы чаще всего созданы анонимными мастерами. Где граница между подлинной безымянной иконой и подделкой?

Подделывали само время, т.е. искусственно старили картину. Существует даже книга «Как нарисовать старую икону». В ней подробно описывается, как делать трещины, старить краску и т.д... Были люди, которые делали благодаря этой книге большие деньги.

Почему Вы выбрали профессию реставратора икон?

Вообще-то я изучала в университете искусствоведение, в частности, искусство Византии, и даже проработала 3 года в тбилисском Институте искусствоведения. Это была чисто академическая работа, я писала диссертацию на тему «Воскресение Лазаря в византийском искусстве». Рисовать же я училась в бытность студенткой, факультет наш так и назывался: «Искусствоведение и реставрация». Должна сказать, что моей целью с детских лет было стать художником. Но я такой человек: прежде чем начать что-то делать самой, я должна была изучить то, что делалось до меня. Для чего рисовать, что я могу сказать нового о мире после Леонардо и Микеланджело? Мой папа Джондо Бардавелидзе был профессором литературы, академиком, и дом наш был миром книг - академическим и немного консервативным. Я уже в 3 года читала по-грузински и по-русски. Меня очень многое связывало с отцом: когда он ездил на многочисленные научные конференции по всему Союзу, я всегда была рядом с ним. От отца мне и передалось убеждение, что под всем, чем бы ты не занимался, должен быть заложен научный фундамент. Почему ты это делаешь? Имеет ли это смысл? И у меня просто не хватило смелости начать профессиональную жизнь живописца без этого фундамента.

И как Вы начали строить свой фундамент?

Я написала такую хорошую дипломную работу, что мне сразу после университета предложили место, о котором можно было только мечтать - в Институте искусствоведения. И я увлеченно занялась наукой. Много публиковалась: уже были перестройка и гласность, открывались новые темы, ранее запрещенные. Это было сумасшедше интересное время! Все эти годы я очень много рисовала... только для себя. Основной же моей жизнью оставалась наука, я писала докторскую диссертацию, а рисование было моим хобби. Но и наукой я занималась творчески: меня очень интересовал микст христианских культур в Византии. Например, вся иконопись базируется на позднеегипетской живописи, на фаюмских портретах в частности, которые и считаются первыми иконами. Христианская культура восприняла эту традицию, а затем ей понадобилось еще несколько столетий, чтобы сформировать собственную. Именно ее начало на стыке времен интересовало меня. Та эпоха, как и сегодняшняя, интересна своей неопределенностью. И еще я искала... старые рецепты техник монументальной живописи. Я читала их по микрофильмам, и специально для этого выучила старогреческий язык.

Возможно ли сегодня пользоваться старыми рецептами?

Конечно, возможно! Как раз сейчас я этим и занимаюсь. Рецепты эти интересны кроме практического употребления еще и тем, как люди в старые времена ощущали мир. Приведу один пример: «Смешай такую-то и такую-то смолу. Затем возьми фимиама столько, сколько скажет тебе сердце». Но ведь мое сердце человека третьего тысячелетия говорит совсем другое! Приходится особенно полагаться на интуицию и опыт, поскольку точных параметров в рецептах нет. Да это и не рецепты в современном понимании, это общие советы мастера на память ученикам, которым он лично передавал свои профессиональные секреты.

Почему распространение в православных странах кириллицы не коснулось Грузии?

Византия состоялась в истории как Второй Рим на основе эллинской культуры. Эллинская культура распространялась на огромные территории, доходила до

Колхиды и даже до Индии. Это был коктейль культур, и Византия никогда не выступала против, она просто объединила их христианством. Вот Вы говорите о старых русских иконах, а ведь они – одни из самых последних явлений византийского искусства. В Грузию же христианство пришло в числе первых, еще в 4-ом веке, и сразу стало государственной религией. Для сравнения: крещение Руси произошло в конце 10-ого века, а славянская азбука пришла в языческую Русь на столетие раньше. Кириллица просто на пятьсот лет моложе грузинского алфавита.

Есть ли различия между грузинской и русской православными культурами?

Разумеется. И не только между ними. В Византийскую империю кроме Грузии и Руси входили и Сербия, и Сирия, и Египет и даже Эфиопия. И еще множество культур. Каждая из них имела собственные традиции, которые привнесли что-то свое в общую христианскую культуру. Грузия – страна, имевшая античную культуру, гармонично приняла и христианские идеи. Говорят о школах иконописи: школа Кипра, сербская школа, румынская, эфиопская, коптская. И, конечно, грузинская. Особенность византийской культурной политики в том, что она допускала такое разнообразие. Даже литургии проводились на национальных языках, чтобы люди понимали, о чем идет речь. В Грузии богослужение велось на грузинском, в Армении на армянском, в Сербии на сербском – единого канона просто не было.

В советские времена бытовало расхожее мнение, что в Грузии, как и в Прибалтике, было чуть побольше свободы. Это касалось свободы вероисповедания?

В церковь ходить

Нина Гамсахурдия с русской иконой Богородицы нач. 18-го в. было... нежелательно и даже опасно для карьеры. Но для нас «пропуском» в церкви служила профессия. Посещение церквей мы объясняли профессиональным интересом к нашему культурному наследию.

А сегодня?

Сегодня мне кажется, что церковь как институция уже выполнила свою историческую миссию, исчерпала себя. Она больше не может дать надежду человеческой душе, новые идеи – уму, откровение – искусству. Иконопись – это последнее большое явление, данное миру церковью. Современные иконописцы не привносят в старый канон ничего нового, просто копируют его из года в год, из века в век... Но посмотрите на старые иконы, невозможно найти две одинаковые!

Даже по фрагменту драпировки одежд можно определить, в каком столетии и даже четверти столетия была написана икона. Почему так получалось? Да потому что иконописец невольно привносил в канон требования своей эпохи. Все знают Владимирскую икону Божьей Матери, сделанную в Византии в 12-ом веке, и ее позднюю копию кисти Андрея Рублева. Сравнивая оригинал и копию, можно увидеть не только разницу стилей, но и разницу эпох. Но и константинопольский оригинал тоже, оказывается, копия! А как пишут сегодня? Копируют Рублева «под Рублева». Не видно ни эпохи, ни человека, писавшего икону, ни души – словно машина писала. Это означает одно – искусство иконы умерло. Даже как объект в церкви, перед которым нужно поставить свечку. Иконы, как и скульптуры Будды, ушли в китч, украшая спальни бюргерских квартир. Хотя, возможно, обретая вторую жизнь в китче, они сохранили тем самым себя от забвения?

В чем, на Ваш взгляд, причины кризиса религии?

Человек 21-ого века живет по-другому, мыслит по-другому. Мы не можем копировать тот образ жизни, что был тысячу лет назад. Без динамичного развития все умирает. Если бы церковь решилась освободиться от канона, то иконами могли бы стать некоторые картины Сальвадора Дали или Жоржа Руо. Портреты Руо вообще – прямое продолжение иконописи! И идеей, и истовостью выражения. Сегодня же... В 1991 году, когда я еще жила в Грузии, у нас дома гостил священник. На стенах висели мои картины, на одной из которых были изображены ангелы. Без канона: у ангелов, в частности, не было рук. Священник, помню, страшно обиделся: как можно так рисовать! И даже наложил на меня епитимью, запретил две недели ходить в церковь и лишил причастия за мое «богохульство».

Мы не можем копировать тот образ жизни, что был тысячу лет назад. Без динамичного развития все умирает. Если бы церковь решилась освободиться от канона, то иконами могли бы стать некоторые картины Сальвадора Дали или Жоржа Руо.

Нина, как Вы, ученый, занимавшийся далеким от политики искусством Византии, оказались в эмиграции?

Когда я познакомилась со своим будущим мужем Константином Гамсахурдиа, он уже работал в Институте ориенталистики. Впервые мы встретились на лекции ленинградского византолога Виктора Бычкова. Оказалось, что у нас с Константином один круг друзей, такая интеллектуальная «золотая молодежь». Основой общения и дружбы ребят из нашего круга было как раз возрождение религиозного сознания, мы читали мистиков – Блаватскую, Соловьева – в самиздате.

Политика началась в 1987 году, как раз, когда мы с Константином поженились. А дальше события развивались очень быстро: все эти политические движения, подполье... Я тоже печатала всякие листовки. Первый «круглый стол» оппозиции состоялся в нашем доме.

Отец Константина Звиад, будущий первый президент Грузии, работал в то время в Институте литературы с моим отцом. Звиад Гамсахурдиа был очень верующим человеком, поэтому в конце 80-х основной целью его политической борьбы была свобода религии. Интересный факт: будущие первые политики независимой Грузии устраивали свои собрания в церкви Сиони. Сиони стал сердцем их движения. Это были страшные времена, нас преследовал КГБ. Даже когда мы с мужем жили уже в отдельной квартире, под нашими окнами всегда дежурила машина с чекистами.

Как развивались дальнейшие события?

В марте 1988 года, когда я была уже беременна, Звиад объявил голодовку и лежал дома. Мой папа был тогда заместителем директора Института литературы, начальником Звиада. Папе позвонили из КГБ и настойчиво посоветовали уволить его из Института. В КГБ знали, что мы родственники, так что это было в их стиле. Папа, конечно, не уволил Звиада, но это обошлось ему очень дорого: он получил инсульт, был на волосок от смерти. 26 мая состоялось первое подпольное собрание оппозиционных лидеров: были Звиад, Мераб Костава, еще три или четыре человека. К ним тогда присоединился и мой муж Константин с молодыми студентами, всего собралось около 20-ти человек. Вечером мне позвонили и сказали, что их всех арестовали. Потом, правда, отпустили, но я пережила тогда ужасный стресс. Мы с подругой побежали узнать, как все произошло, и на обратном пути нас остановили двое и сказали: «Пройдемте, пожалуйста. Нам нужно поговорить с вами». Я знаю эту улицу, как свои 5 пальцев, но они завели меня в какую-то квартиру, о которой я понятия не имела. Там уже находились чекисты, как из кино – в классических кожаных куртках. Они беседовали со мной два часа, требовали, чтобы я смотрела, куда ходит мой муж, угрожали. Они прямо заявили: «Семье Гамсахурдиа мы жизни не дадим». После этого разговора я попала в больницу на три месяца и чуть не потеряла ребенка.

22 сентября 1988 года, в день, когда я родила своего первого сына Деметре, в Тбилиси состоялась первая демонстрация. Все улицы были перекрыты, врач не смог добраться к нам, и я родила одна. Демонстранты протестовали против советского танкового полигона в Давид Гаредже. Давид Гареджа – это полупустыня на границе с Азербайджаном, где находится комплекс грузинских пещерных монастырей 6-12 вв. И в этом комплексе был боевой полигон. Комплекс постоянно обстреливали танки, иногда стреляли прямо в пещеры. Именно против полигона и проводилась религиозно-культурная акция. И организовал ее Звиад Гамсахурдиа. Все последующие демонстрации также проходили под лозунгом сохранения национальной культуры.

А потом уже 9 апреля 1989 года состоялась самая большая манифестация, переросшая в трагедию. Людей разогнали с помощью милиции и солдат Советской армии, орудовавших саперными лопатками. Однако событие получило огромный резонанс в стране и в мире. А Звиад и Мераб Костава стали после демонстрации национальными героями. Позже Коставу убили.

Почему советские власти не расправились со Звиадом Гамсахурдиа?

Потому что он уже имел огромный политический вес в грузинском обществе. Его смерть вызвала бы социальный взрыв. Гибель Мераба Коставы оказалась огромным ударом для него, ведь тот был не только его правой рукой, но и лучшим другом.

В 1990 году Звиада избрали сначала председателем Верховного Совета, а годом позже – президентом Грузии, получившим 87% голосов, в реальности – практически единогласно. Люди тогда шли на выборы, как на праздник, и Звиаду в те дни не было никакой альтернативы – настолько он был популярен.

Изменилась ли Ваша жизнь в качестве члена семьи президента страны?

Очень изменилась. Продолжая жить с мужем в старой квартире, мы, однако, оказались в центре общественного внимания. В Грузии действовала тогда военизированная организация «Мхедриони». Созданная Джабой Иоселиани, критиком Гамсахурдиа, она состояла в основном из криминальных элементов. И Звиад дал нам охрану. В которой я увидела... тех самых чекистов в кожаных куртках. Охрана – это вообще ужас! Они сопровождали нас повсюду, постоянно дежурили перед домом: когда мы подходили к окну, в машине, стоявшей внизу, загорались фары – мол, мы здесь. Но это продолжалось недолго, ведь Звиад был президентом год и 8 месяцев. В декабре 1991 был совершен переворот...

Как это произошло?

Это было временем всеобщей эйфории: независимость, любимый президент, праздник... Вся страна праздновала. Работал тогда в стране, наверное, только Звиад. Он все делал сам, говорил, что у него мало времени и нужно все успеть. И действительно, весь период, когда он находился у власти, Звиад занимался только реформами. Он практически ночевал в рабочем кабинете. И когда он приходил к нам, было видно, насколько он устал. Звиад прекрасно понимал, что старые коммунисты в правительстве жаждут реванша. Без «руки Москвы» тоже не обошлось. 21 декабря путчисты напали на Дом правительства. «Гражданская война» продолжалась две недели, и шла она исключительно на проспекте Руставели. Горожане не подозревали, что в центре идут боевые действия с танками. Гамсахурдиа все это время находился в Доме правительства. Он не хотел отвечать ударом на удар с помощью своей гвардии, поэтому до большой крови дело не дошло. Иоселиани с путчистами, при поддержке Э. Шеварднадзе, который к тому времени был без работы, выпустили из тюрем более двух тысяч уголовников, которых вооружили и включили в состав «Мхедриони». Они и начали штурм. Повторяю, Звиад не оказывал сопротивления. Однажды ночью он со своими сторонниками покинул осажденное здание и бежал сначала в Армению, а потом в Чечню, куда его пригласил Джохар Дудаев.

Почему Звиад Гамсахурдиа не уехал на Запад?

У него была такая возможность. Звиад приезжал в Европу в конце 1992 года. Он дружил с Отто фон Габсбургом, который предложил ему остаться в Австрии. Звиад не остался. Он был идеалистом, вернулся домой и вскоре погиб. В 2004 году, после «революции роз», мой муж Константин уехал в Грузию, чтобы расследовать обстоятельства смерти отца. Официальная причина смерти Звиада Гамсахурдиа – самоубийство, хотя даже ребенку было ясно, что его убили, ведь убийцы стреляли в затылок. Константин несколько лет занимался журналистским расследованием обстоятельств смерти и доказал, что это было заказным убийством. В конце 1993 года Звиад Гамсахурдиа вернулся (или его заманили) из Чечни в Западную Грузию, и там уже при непонятных до сих пор обстоятельствах было инсценировано самоубийство. В это время мы с мужем и детьми уже год, как

находились в Швейцарии.

Как вам удалось уехать?

Это произошло случайно. После путча мы уже не могли оставаться дома. Каждый второй день мы меняли квартиру, скрывались у родственников и друзей. Я была на последнем месяце второй беременности, а старшему сыну было всего три года. При мне всегда был револьвер, у Константина – «калашников». Два месяца мы так прожили, и это было страшное время. В общей сложности мы сменили 18 квартир. Представьте себе: зима, еды нет, отопление отключено, а вся наша одежда и лекарства остались в старой квартире. И мы решились заехать туда на несколько минут, чтобы забрать их. Только открыли дверь, и вдруг звонит телефон! Это были друзья из Базеля, которые очень волновались за нас. А дозвониться тогда из-за границы в Грузию было абсолютно невозможно, можно сказать, что произошло чудо. Друзья предложили мне рожать в Швейцарии, поскольку я не могла пойти в тбилисский роддом, это было очень опасно. И мы решились. Мой папа поехал прямо к министру, который подписал наши паспорта, мы купили билеты до Баку, и оттуда уже поездом – в Москву. Шла карабахская война, поэтому можно себе представить, что творилось в этом поезде!

До последнего момента в Шереметьево мы не были уверены, что нам удастся улететь. Еще перед вылетом мы услышали по телевизору «информацию», что семья Гамсахурдиа бежала в Америку и там родился внук экс-президента, названный в его честь Звиадом. Конечно, КГБ уже понял, что в Грузии нас нет, но про Америку и сына... я-то ведь еще не родила. В Грузии царил тогда огромный хаос, в КГБ тоже, но уехали мы очень вовремя, потому что уже неделю спустя грузинский Интерпол выписал ордер на наш арест.

Когда на паспортном контроле молодой русский солдат прочел в паспорте мужа: «Константин Звиадович Гамсахурдиа», он стал красным как рак. «Вы? Тот самый?» – растерялся солдат. Приказа задержать нас у него не было, позади стояла огромная очередь пассажиров, а он не знал, что делать. Минут десять он думал, как поступить... закрыл паспорт и пропустил.

Вы сразу попросили убежище в Швейцарии?

Нет, мы думали пробыть здесь пару месяцев и вернуться домой. Родился второй сын Звиад, мы жили у наших друзей, очень приятных и симпатичных людей, практически на чемоданах. Но когда в Грузию вернулся Эдуард Шеварднадзе, стало ясно, что домой дороги нет. Ордер на арест Константина уже был готов. Якобы он украл миллионы, а на самом деле наш старший сын Деметре целый год играл с единственной игрушкой – белой пластиковой коробкой, бывшей для него и поездом, и самолетом, и машиной.

Когда в Швейцарию приехал шеф «Мхедриони», требуя нашей депортации, с мужем связалась Amnesty International и посоветовала ему обратиться с просьбой об убежище. Убежище мы получили быстро, буквально через месяц.

Как повлияла на Вашу жизнь эмиграция?

Поскольку я живу в центре Европы, в центре мультикультуры, во мне соединились и

христианка, и буддистка, и мусульманка. Глобализировался не только мир, но и человек. И в этом я вижу позитив, развитие человека.

Двойко. Сам факт, что нашей семье пришлось покинуть Грузию – это, естественно, трагедия. Но для меня как художника это было еще и освобождение. Жизненная драма дала мне уникальный шанс заняться, наконец, тем, о чем мечтала всю жизнь – живописью. Если бы я осталась в Грузии, то продолжала бы работать в науке. Однажды наш сосед принес икону и попросил отреставрировать ее. Я сделала это по-дружески, бесплатно. Но сосед рассказал обо мне другим коллекционерам икон, те еще кому-то – вот так все и началось. Я реставрировала, делала экспертизы икон. С деньгами стало получше, и мы переехали в квартиру побольше. В 1996 году я купила первые пигменты для красок и начала, наконец, писать. Это были пигменты «земляной палитры» и стоили они недорого.

Ваши работы производят двойственное впечатление: с одной стороны - дерево, вручную сделанные краски, сусальное золото, а с другой стороны - абстрактные образы вполне contemporary art...

Меня интересуют философские категории бытия: например, в картине «Рай» зеленый цвет символизирует Эдемский сад. Здесь я не пишу фигуративно, поскольку мне важен не просто сад, но – Рай. О таких предметах следует разговаривать на языке ассоциативных образов: цветом, ритмом, пятном. Намеками. Я современный человек и хочу быть искренней. Что это значит?

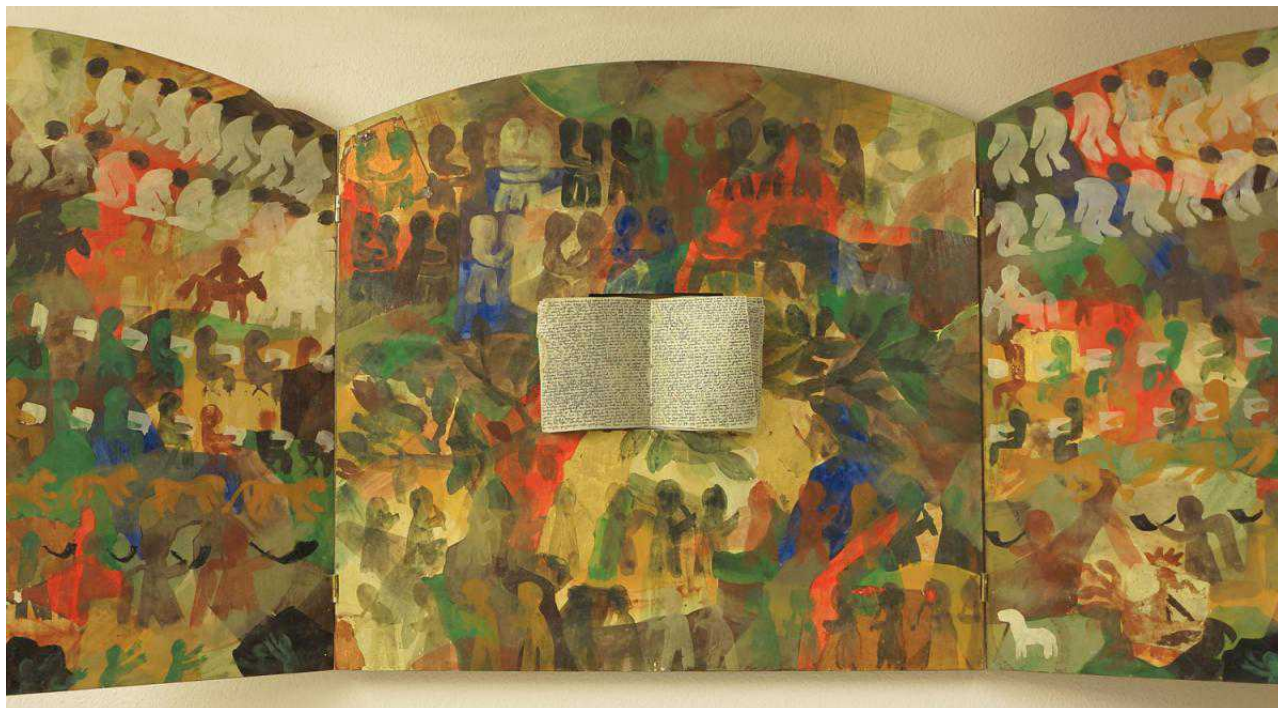
Поскольку я живу в центре Европы, в центре мультикультуры, во мне соединились и христианка, и буддистка, и мусульманка. Глобализировался не только мир, но и человек. И в этом я вижу позитив, развитие человека. Поэтому я ощущаю себя не столько религиозным художником, сколько мистическим. В моем «Раю» могут жить не только Адам с Евой, но и гурии. К моим картинам я пишу еще стихи, потому что просто название не в состоянии отразить множественность ассоциаций.

Стихотворение дает возможность зрителю увидеть в картине то, чего не увидела даже я, автор. Я очень рассчитываю на иное толкование, хочу дать зрителю свободу понимания. Свобода важна для веры, для развития. Без нее мы рабы. Кому нужен раб? Богу не нужен, никому не нужен.

Мне кажется, если бы православная церковь, имея в прошлом такой огромный потенциал, вовремя дала развиваться иконе, мы бы имели сегодня потрясающий результат. То, что делаю я – это капля в море. Почему я реставрирую иконы? Потому что каждая икона для меня – это новый урок, каждый раз особенный.

Прилежная наследница традиций византийской живописи, Нина Гамсахурдиа не только постоянно учится сама, есть у нее собственные ученики, которые хотят изучать старые техники: египетскую, иконописную, технику фрески... Это взрослые люди, с солидными профессиями, и у них есть стремление делать что-то своими руками. Приходят к ней также художники, которым хочется освоить старые техники.

«Во всем мне хочется дойти до самой сути...» - после нашего разговора мне вспомнились эти строки Бориса Пастернака. Их могла бы с полным правом написать и Нина Гамсахурдиа, дошедшая до «самой сути» дважды. В переломный момент нашей с вами общей истории, захватывающе интересной и трагичной!

«Апокалипсис» (триптих с рукописной книгой)

[отношения сша и швейцарии](#)

[памятники культуры](#)

[достопримечательности швейцарии](#)

[художники в Швейцарии](#)

Source URL: <https://dev.nashagazeta.ch/news/peoples/15956>